

выскочили. На ходу подумал: «cranen – заживет, оставлю – убьют!» Атака опять захлебнулась. Людей становилось все меньше. Когда в шестой раз бросились мы на вражеские окопы, нас снова встретил такой плотный огонь, что в двадцати шагах от конечной цели нас осталось всего человек пять. Кругом стояли пыль, грохот, под ногами мелькали немецкие гранаты с длинными ручками. Я упал на левый локоть и в этот момент получил удар в левое плечо. «Вот и все – подумалось. - Нет, не все, раз могу двигаться. Попробую отползти... лишь бы не попало повторно».

Отполз метров десять назад, попробовал встать, но потерял сознание и скатился в овражек. Пришел в себя от того, что кто-то тащил меня за рукав.

– Ранен? Куда? Пулей?

– Нет осколком...

Солдат помог мне пройти по овражку дальше в тыл. Проходя мимо укрытия командира батальона услышал, как он докладывал комполку, что атака захлебнулась и что из батальона осталось восемь человек, остальные убиты и ранены. Рукав шинели заполнился кровью, левую руку я засунул за пояс.

Плечо болело, но терпеть можно было. Раненые – те, кто мог ходить, держась друг за друга, продвигались по оврагу. Тут увидел я и дядю Петю, которого вытащил за шинель полчаса назад из боя. Он выглядел довольно бодро. Рана, казавшаяся такой страшной, оказалась не очень серьезной. Осколок прошел по касательной, удар был ослаблен шапкой. Рассеченную кожу на голове санитар стянул, туго забинтовал и кровь перестала идти. У меня дело обстояло хуже, я потерял много крови: она шла, несмотря на перевязку, а плечо как перевяжешь?

Вечером приехал на бричке старшина, привез в термосах ужин и забрал четырех раненых, чтобы отвезти